

Мир 203-1987-2000
 с.8

* Не слишком ли билет дорогой

и не слишком ли дешевый?

Автора!

даже человек, по своему умонастроению весьма далекий от растерянности, горечи, попав на «самый-самый» спектакль, — именно в силу исключительности этого события — начинал стесняться собственного оптимизма, сомневаться в нем... Итак, молва рождала моду, мода — ажиотаж, и «новая волна», не лидируя количественно, становилась властителем дум на театре. Ну, а мне эта драматургия не близка. Понимаю, когда в «новой волне» находят чеховское начало, я всегда думаю: а где же при этом чеховское «мы увидим все небо в алмазах»? Мне не хватает в этих пьесах света, порыва, надежды.

Но вот теперь препоны рухнули, ажиотаж спал, каждая из пьес обрела свои

за него будет заплачено? Оправдает ли эта цель эти средства? То есть мне интересен человек, который очень близко к сердцу принимает все происходящее в государстве. И конфликт видится между такими именно людьми, но стоящими по разные стороны перестройки.

В общем-то, я делаю сейчас одну вещь... О бригаде рабочих, профессионалов высочайшего класса. У них есть все — полное материальное и моральное удовлетворение, признание, в общем, все, чем общество может наградить за блестящую работу. Но в этой бригаде, обогнавшей время по результатам труда и отношению к труду, действуют свои законы. Например: холостяков сюда не берут — от холостяка скорее можно ждать «взбрыка»; в пятьдесят лет из бригады надо добровольно уходить... А тут как раз человеку, который все это основал и наладил, стукнуло пятьдесят. Он, бригадир, как и положено, подает заявление об уходе, но ему, естественно, тяжело, ему не хочется... И вот бригада начинает разваливаться: одни говорят — все правильно, ребята, так и надо, со всякими сантиментами мы никогда не выиграем в споре социальных систем, другие — а зачем нам нужен выигрыш такой вот ценой?

Хотел бы, чтобы это была пьеса, но...

Не очень я в восторге от поголовного засилья «режиссерских театров». Ведь при этом вкус одного человека непременно должен стать вкусом всего коллектива. Отсюда элемент программирования результата, когда заранее примерно знаешь, что тот или иной режиссер сделает с той или иной пьесой. Вот если бы был театр, куда, как в кино, приглашались бы разные режиссеры на разные постановки! А приглашение при «главном» теряет смысл, ибо приглашают того, кто разделяет позицию главного.

Мне как автору — как каждому автору — хотелось бы предложить свою пьесу в театр «первого эшелона». Таких коллективов у нас немного, а склонных к открытому гражданской драматургии и того меньше: три, ну, пять... Но у меня ощущение — не считите уж это самонадеянностью, — что я как драматург не попадаю в тоналность этих театров.

Так что, скорее всего, будет не пьеса, а сценарий...

Свердловчанин Геннадий Бокарев после мхатовского спектакля «Сталевары» сразу стал одним из популярных драматургов страны, у него просят, от него ждут новых пьес. Однако в своих взаимоотношениях с театром он явно нарушает закон «спроса» и «предложений», все чаще — а последнее время практически полностью — отдавая предпочтение кино. Почему?

— Сложный вопрос, тут многое сплетено... Вот все мы теперь дружно признаем, что в конце семидесятых — начале восьмидесятых в стране наблюдалось замедление общественного развития, накопились негативные, а то и просто порочные явления... Это-то мы признаем, но лично я не слышал, не читал, чтобы кто-нибудь напомнил: на такие периоды в жизни искусство обычно отвечает появлением декаданса. Спешу заверить, что для меня в этом термине нет ничего оскорбительного — им я именую ощущение горечи, растерянности, потери перспективы, уход человека в свою «скорлупу». Это была абсолютная естественная реакция части общества, которая и нашла свое отражение, если говорить о театре, в пьесах «новой волны».

Пьесы эти очень трудно пробивали себе дорогу, над ними возник ореол мученичества, что сделало их, естественно, особенно притягательными для зрителя. И когда такая пьеса «страдала» наконец-то выходила на свет ramпы, в наэлектризованном зале уже была подготовлена атмосфера успеха — вне зависимости от качества пьесы (а среди них были и очень талантливые, и далеко не очень). Опять же на пьесы виноваты, а чиновники, которые боялись этих пьес, боялись, как бы люди не увидели на сцене ту правду, которую видели в жизни. Поучительно, что перестраховщики своими методами добивались эффекта прямо противоположного: ведь

«Почему я БОЛЬШЕ не пишу ПЬЕС...»

Полемический монолог

подлинный габариты. Снова есть жажда масштаба, поступка, размаха! Так где же вы, драматурги? Что опять «не так», товарищ Бокарев? Может быть, не хватает тем, фактов? Так полистайте газеты!..

Нужно быть честным. Хочется быть честным. Уж очень серьезные катаклизмы происходят в обществе. И чтобы сказать правду — полную, глубокую правду о нашем дне, — нужна дистанция времени. Что поделаешь, таков закон искусства!

Но при этом возникает парадокс, особенно острый для драматургов «современной темы»: им волею судеб положено писать о сегодняшнем сегодня.

Мне лично сегодня интереснее всего герой, который еще не решил, как он будет перестраиваться в ходе перестройки. Не из шкурных интересов! Он действительно сомневается; а вдруг все не получится, а если получится — принесет ли благо, а если принесет — то какой ценой